

DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-35-45

УДК 930.1

Лидия Александровна Гаман

Северский технологический институт — филиал НИЯУ МИФИ
Северск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0175-275X
E-mail: GamanL@yandex.ru

«Культурный переворот» Петра Великого и судьбы Российской империи: взгляд Г. П. Федотова

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются представления Федотова о Российской империи и русской культуре в свете проблемы преемственности и разрывов. Характеризуются теоретико-методологические положения и идеи, которыми он оперировал в своих научных изысканиях. Отмечается его восприятие империи как полиэтнического сверхнационального государства, которое призвано выполнять «цивилизаторскую» миссию и благоприятно для развития народов, вошедших в его состав. Анализируются представления Федотова о преобразованиях Петра I. Отмечается стремление ученого объяснить неизбежность петровской модернизации и глубину обусловленного ею культурного дуализма через выявление своеобразия исторического развития допетровской Руси, отмеченного существенной диспропорцией религиозно-духовной и рациональной составляющих национально-почвенной культуры. Федотов настаивал на коренном единстве Европы и России, принадлежащей кругу христианских культур, имевших эллинистические истоки. Общий культурный фундамент и собственный исторический опыт свободы русского народа рассматривался им как необходимое условие рецепции европейской культуры и последовавшего уже в XIX в. расцвета русской культуры. Анализируются размышления Федотова о специфике Российской империи и ее культурно-просветительской миссии, о структуре имперского сознания, причинах распада империи, обусловленного нарастанием кризисных явлений по мере размывания в сознании властных элит представлений об исторической миссии империи и ее сверхнациональном характере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческое сознание, Россия, империя, Петр I, модернизация, Европа

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гаман Л. А. «Культурный переворот» Петра Великого и судьбы Российской империи: взгляд Г. П. Федотова. *Кunstkamera*. 2022. 2(16): 35–45. doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-35-45

Lidiia Gaman

Seversk Technological Institute
Seversk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0175-275X
E-mail: GamanL@yandex.ru

“Cultural Upheaval” of Peter the Great and Fates of the Russian Empire: View of G. P. Fedotov

ABSTRACT. The article discusses the Fedotov’s views on the Russian Empire and Russian culture in terms of succession and discontinuities. Theoretical and methodological provisions and ideas, which he used in his scientific research, are characterized. The article highlights his perception of an empire as a multiethnic supranational state called upon to carry out a civilizing mission, favorable for the development of the peoples that become its part. Fedotov’s ideas about the reforms of Peter the Great are considered. The desire of the scholar to explain the inevitability of Peter’s modernization and the depth of cultural dualism caused by it is pointed out. The scientist explained it through identifying the uniqueness of the historical development of pre-Peter’s Russia marked by a significant disproportion of religious, spiritual and rational components of the national culture. Fedotov insisted on the fundamental unity of Europe and Russia belonging to the circle of Christian cultures that had Hellenistic origins. Common cultural foundation and Russian people’s own historical experience of freedom were considered by him as necessary conditions for the reception of European culture and the flourishing of Russian culture that followed in the 19th century. The article analyses Fedotov’s reflections on the specifics of the Russian Empire and its cultural and educational mission, on the structure of imperial consciousness, on the reasons for collapse of the empire caused by the growing crises while ideas of the historical mission of the empire and its supranational character were eroding in the minds of the ruling elites.

KEYWORDS: historical consciousness, Russia, empire, Peter the Great, modernization, Europe

FOR CITATION: Gaman L. “Cultural Upheaval” of Peter the Great and Fates of the Russian Empire: View of G. P. Fedotov. *Kunstkamera*. 2022. 2(16): 35–45. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-35-45

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ ФЕДОТОВ — ИСТОРИК И ХРИСТИАНСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Тема империи широко представлена в творчестве русского эмигрантского историка, христианского православного мыслителя Георгия Петровича Федотова (1886–1951), изучавшего феномен Российской империи в тесной связи с судьбами русской культуры. Концептуальные по своему характеру размышления ученого о природе мировых империй, своеобразии Российской империи, характере и неоднозначных последствиях реформаторской деятельности Петра I формировались и разворачивались в своеобразном культурно-историческом контексте, обусловленном целым рядом масштабных событий, таких как Первая мировая война, Русская революция 1917 г., Вторая мировая война, которые привели к распаду современных мировых империй и поискам новых моделей мироустройства. Несомненно, это обстоятельство отразилось на его историко-теоретических построениях, связанных с имперской проблематикой.

Творческое наследие Г. П. Федотова, богатое по содержанию, привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей. Комплексное исследование его историко-теоретических построений содержится в работах А. Ф. Киселева (2004), О. И. Ивониной (2000; 2007), Л. А. Гаман (2007; 2008), в которых анализируются, в частности, его представления о структурной сложности и своеобразии петербургского периода истории как части *единого* российского исторического процесса. Ф. А. Степун, современник Г. П. Федотова, предпринял критический анализ основополагающего для его историко-религиозной версии русской истории теоретического положения об определяющем значении для судеб русской культуры перевода Библии на славянский язык, опираясь на которое он трактовал специфику культурно-исторического развития России (Степун 1999). Отдельные стороны представлений ученого о своеобразии русского национально-культурного типа и исторических условиях его становления, о специфике моделей «русского человека» в отдельные периоды российской истории анализируются в работах А. В. Антощенко (2017), М. Г. Вандалковской (2015), О. Д. Волкогоновой (2015), Ж. А. Гумеровой (2013), О. А. Жуковой (2014). Ю. В. Клепикова рассматривает обозначенную выше проблематику в контексте «имперского проекта», сконструированного Г. П. Федотовым (Клепикова 2019). В одной из работ автора данной статьи уделяется специальное внимание анализу представлений Г. П. Федотова о природе нации как культурно-исторического явления и возможностях межкультурного синтеза (Гаман 2019).

Несмотря на значительный вклад этих и других авторов в исследование комплекса идей Г. П. Федотова, так или иначе связанных с имперским периодом российской истории, изучение данного блока его творческого наследия далеко от завершения. Так, продолжают вызывать научный интерес размышления ученого о природе Российской империи и русской культуры с учетом трагического исторического опыта России, в противоречивом единстве которого линии исторической преемственности сложно совместились с разрывами в развитии. Сохраняет свою научную ценность также сформулированное им теоретическое положение, согласно которому в результате конфликта традиций и новаций создаются условия для экспликации исторических альтернатив развития народа, ограниченных, впрочем, «властью прошлого» (Федотов 2004а: 128). Своеобразие и глубина историко-религиозной концепции Г. П. Федотова в немалой степени определялись комбинацией этих теоретико-методологических положений с фундаментальными для его исследовательского подхода идеями: идеей множественности культурных типов (Федотов 1998: 119–120), их взаимопроницаемости как основы культурного диалога и идеей о нации как «духовно-исторической личности», имеющей свое историческое призвание (Федотов 2004а: 64–65).

Обратим внимание на эвристическую ценность подхода православного историка, способствующего углубленному изучению трагического, семантически сложного российского исторического процесса, отмеченного целым рядом масштабных переломных событий, которые обусловили коренные изменения в развитии страны. Одним из таких событий является петровская модернизация¹.

¹ Г. П. Федотов не использовал в своих работах понятие «модернизация», однако он описывал процессы, тождественные современному пониманию этого понятия.

Ее радикальность, обусловленный ею культурный дуализм не должны закрывать линии преемственности, порой имплицитные или слабо выраженные, в рамках имперского периода истории, что справедливо отмечается и современными исследователями. В. М. Живов подчеркивал проблематичность создания целостной картины петровских преобразований и их последствий без учета элементов преемственности, «которые существуют между явлениями допетровского и послепетровского времени — в социальных структурах, механизмах культурно-религиозного восприятия, литературном процессе и т. п.» (Живов 1996: 577).

Основу источниковой базы статьи составили публикации разных лет Г. П. Федотова, так или иначе касающиеся заявленной темы. Среди них «Трагедия интеллигенции», «Три столицы», «Певец империи и свободы», «Пушкин и освобождение России», «Рождение свободы» «Россия и свобода», «Судьба империй», «Петр Великий», цикл статей «Русская культура», «Церковь», «Наука в России». Важным источником является также его двухтомная монография «Русская религиозность», отражающая представления мыслителя о своеобразии религиозного сознания русского народа как составной части исторического сознания, а также его понимание исторической роли Русской православной церкви в российской истории.

РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И КУЛЬТУРНЫЙ ДУАЛИЗМ В РОССИИ

Учитывая семантическую сложность макроконцепта «империя», вызывающего научные дискуссии до настоящего времени (Сайнаков 2007), следует принимать во внимание то содержание, которое вкладывал в это понятие сам ученый. Свое представление об империи он выразил в дефиниции: «Империя — это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформившегося организма» (Федотов 2004а: 231). Он полагал, что империи зарождаются в момент выхода государства из «привычной геополитической сферы» (Федотов 2004а: 232), как правило в результате войны. Империя в восприятии Г. П. Федотова — это полиэтничное государство, «сверхнациональное» по своему характеру (Федотов 1998: 136), которому свойственно «особое универсальное политическое самосознание» (Федотов 2004а: 232) и «цивилизаторская» функция, а в случае наличия в империи доминирующей нации — «базовой» культуры (Хантингтон 2008: 345) — также «ассимиляционная» функция (Федотов 2004а: 242).

Созданную Петром I империю Г. П. Федотов рассматривал как явление динамическое, как неизбежный результат российского исторического процесса. В своих работах он уделил внимание специфике петровской модернизации, исходно нацеленной, по его убеждению, на технико-технологические преобразования, однако в результате обусловившей тотальные трансформации во всех сферах общества. Преимущественно практическая направленность петровских преобразований отмечается и современными исследователями (Панченко 1996а; 1996б). Г. П. Федотов полагал, что в культурно-историческом контексте, сложившемся в Московском государстве к рубежу XVII–XVIII вв., петровская модернизация стала необходимым, а с учетом геополитических условий неизбежным явлением.

Ученый выделял два магистральных направления в реформаторской деятельности Петра: во-первых, государственное строительство и, во-вторых, европеизация культуры, «переворот в русской культуре» (Федотов 2014: 333). Одним из трагических результатов последнего стала утрата органического единства, свойственного Московскому государству, на смену которому пришел культурный дуализм, отличавший имперский период российской истории. Г. П. Федотов сосредоточил внимание на исследовании культурных трансформаций в России, вызванных деятельностью Петра I, стремясь отразить их сложность, обусловленную непростой комбинацией традиций и новаций в России в эпоху преобразований.

Г. П. Федотов не абсолютизировал культурный раскол, вызванный петровскими реформами. Он находил немало более или менее выраженных линий преемственности в реформаторской деятельности Петра I с деятельностью его предшественников. Ученый также справедливо полагал,

что в действительности в имперской России не прекращалось «интрамолекулярное взаимодействие» (Федотов 2012: 40) почвенной и импортированной культур, что рассматривалось им в качестве необходимой предпосылки постепенного преодоления культурного дуализма. «Начавшись революционным отрывом от Руси, двухвековая история Петербурга есть медленное возвращение. Переменяясь реакциями, но все с большей ясностью и чистотой звучит русская тема в новой культуре, получая водительство к концу XIX века. И это параллельно с неуклонным распадом социально-бытовых устоев древнерусской жизни и выветриванием православно-народного сознания» (Федотов 2012: 40).

Г. П. Федотов предложил свою объяснительную версию природы культурного раскола в стране, ставшей на путь модернизации. Размышляя над истоками такого раскола, он пришел к оригинальной мысли о его исторической обусловленности событием, связанным с христианизацией Руси. Речь идет о получении восточными славянами Библии на славянском языке, что, несомненно, способствовало глубокому усвоению народом евангельского христианства, но в то же время на столетия приостановило развитие научной мысли на Руси. Обращая внимание на это обстоятельство, он писал: «...именно в Киеве заложено зерно будущего трагического раскола в русской культуре... Я имею в виду славянскую Библию и славянский литургический язык. В этом наше коренное отличие, в самом исходном пункте, от латинского Запада... Киев создавался на византийской почве. Это в конце концов греческая окраина. Но за расцветом религиозной и материальной культуры нельзя проглядеть основного ущерба: научная, философская, литературная традиция Греции отсутствует... Даже богословская мысль древней церкви осталась почти чуждой Руси» (Федотов 2012: 31).

Ученый полагал, что получение языческим народом вместе с крещением Библии и церковной литературы на славянском языке исключало необходимость изучения латинского языка, этого необходимого условия для освоения интеллектуального наследия античного мира, как это было на католическом Западе, что в долгосрочной перспективе и обусловило отсутствие на Руси собственной научной традиции. Близкую точку зрения высказывал Г. Шпет. Ф. А. Степун, находя много верного в размышлениях обоих авторов, тем не менее справедливо отмечал, что они придавали преувеличенное значение этому культурному факту ранней русской истории (Степун 2017: 520–521).

Констатируя сложившуюся диспропорцию в развитии древнерусской культуры, Г. П. Федотов был далек от мысли рассматривать ее как «варварскую» или «отсталую» в сравнении с Западом. Напротив, он неизменно высоко оценивал свободолобивую культуру Киевской Руси, — «Святой Руси», во многом отличавшуюся, по его убеждению, от «православного царства» эпохи Московского государства (Федотов 2004б: 352), в котором доминирующую роль уже играл политический и религиозный византизм (Федотов 2004б). Ученый отмечал самостоятельность и высокую социальную активность Русской православной церкви в домосковский период, лишь в Московском государстве, по его мнению, еще до петровских преобразований (Федотов 2004б), утратившей не только свою независимость от государственной власти, но и свойственную ей ранее «учительскую» функцию, как и функцию «печалования», ходатайства перед властью за обездоленных и обиженных (Федотов 2001).

Пристальное внимание в своих работах Г. П. Федотов уделил исследованию проблемы формирования религиозного сознания русского народа как части исторического сознания — «кенотической» по своему характеру «русской религиозности», уходящей своими корнями в Киевскую Русь (Федотов 2001). Ученый выделял в его структуре устойчивые компоненты («жертвенность», «милосердие», «смирение»), способность к страданиям «как высший нравственный критерий» [Федотов 2001: 305 и др.]), которые проявлялись в различных экспликациях в социальном поведении народа на протяжении веков в несхожих исторических контекстах (Федотов 2001). Так, элементы кенотического христианства он находил в менталитете и моделях поведения русской революционной интеллигенции (Федотов 2012: 50–51).

Ученого привлекало политическое устройство Древней Руси, сильные стороны которого особенно ярко воплотились в вольном Новгороде — Республике Святой Софии. Развитая многовековая вечевая культура Новгорода выступала для него свидетельством укорененности демократических начал в глубинах российской истории, их изоморфности политическому сознанию русского народа. «В этой традиции, — писал он, — могут почерпать свое вдохновение православные сторонники демократической России» (Федотов 2004а: 359).

Предпринятый краткий обзор показывает, что Г. П. Федотов высоко оценивал религиозно-духовную культуру древней Руси, составившую фундаментальную основу национальной идентичности русского народа. Более того, он настаивал на необходимости реактуализации этого культурного наследия в условиях секуляризованной технической цивилизации XX в. Являясь последовательным сторонником проекта «оцерковления» жизни как условия выхода из системного кризиса современной европейской цивилизации, он считал актуальной исторической задачей «одухотворение православием технической природы современности» (Федотов 1998: 135).

Одновременно ученый признавал односторонность самодостаточной русской церковно-национальной культуры в том ее виде, как она сложилась к рубежу XVII–XVIII вв. Он объективно отмечал ее недостаточность для поступательного развития страны в условиях становления капиталистической системы отношений в Европе нового времени. По его убеждению, сложившаяся «диспропорция» в ее структуре, связанная с отсутствием в стране научного творчества в допетровский период, сделала в исторической перспективе неизбежным культурный переворот Петра I. Следуя своей логике, подчеркивая богатство культуры допетровской Руси, при этом отмечая структурную сложность и многофакторность петровской модернизации, Г. П. Федотов писал: «Дело тут совсем не в отсталости по сравнению с Западом» (Федотов 2014: 364). По сути, ученый приблизился к постановке проблемы модернизации России в фокусе плодотворной идеи диалога культур в режиме «долгого времени». Присмотримся к размышлениям православного историка.

Красной нитью через все его работы проходит идея о том, что болезненное «столкновение культур», национально-религиозной, почвенной и западной, светской по своему характеру, импортированной в страну в соответствии с прагматическими целями и задачами Петра I, как и беззащитность национальной культуры перед европейской культурной экспансией, стало следствием отсутствия в стране собственной научной традиции и интеллектуальной среды. Г. П. Федотов писал: «Возможна ли простая прививка немецкой техники к православному быту? Есть люди, которые еще в наши дни отвечают на этот вопрос утвердительно. Но техника не падает с неба. Она вырастает, как побочный плод, на древе разума, а разум не может не быть связан с Логосом. Пустое место, зиявшее в русской душе именно здесь, в “словесной”, разумной ее части, должно быть заполнено чем-то. В десятилетие или даже в столетие не вырастает национальный разум. Значит, разум тоже будет импортироваться вместе с немецкими пушками и глобусами... Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в истории России и русской интеллигенции» (Федотов 2012: 36). Заполнить образовавшуюся лакуну должны были петровские преобразования.

Констатируя решающую роль Петра I в организации рационального знания в России, столь важного для устойчивого развития страны, Г. П. Федотов в то же время отмечал, что исходные условия зарождения российской науки и формирования ее инфраструктуры при поддержке государства и в целях «создания кадров для управления и технического обслуживания страны» (Федотов 2014: 404) имели неоднозначные последствия для нее, обусловив, в частности, большую ее зависимость от государства и подконтрольность ему.

ЗАПАД И ВОСТОК В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Касаясь трактовок Г. П. Федотовым петровской европеизации, необходимо учитывать фундаментальное для его теоретических построений положение о внутреннем единстве России и Европы как принадлежавших единому кругу христианских культур, с общим для них эллини-

стическим культурным наследием, независимо от глубоких различий православия и католичества, культурных типов, особенностей антропологических моделей в Европе и России. «Именно через эллинизм, воспринятый Россией вместе с византийской культурой, Россия имеет общее достояние с Западом» (Федотов 2012: 280). Он напоминал, что самое понимание сущности «империи» как сверхнационального государства, выполняющего «цивилизаторскую» функцию, было связано с эллинистическим наследием (Федотов 2004а: 245). Исходное единство, подчеркивал ученый, и сделало возможным не только европеизацию России, но в перспективе и творческое преодоление многих «срывов» петровской модернизации.

Ученый едва ли мог бы согласиться с американским исследователем русской культуры Дж. Биллингтоном, который писал в своем фундаментальном труде: «Обращение к античным образцам в стране, столь удаленной от античного мира, указывает на скрытую нереальность ранней послепетровской культуры» (Биллингтон 2001: 233). Для Г. П. Федотова убедительным доказательством в пользу исходного культурного единства России и Запада служил беспрецедентный расцвет российской культуры в имперский период, то «разбуженное» петровской европеизацией «русское слово» в литературе, искусстве, науке, которое с большой силой выразило уже в XIX в. своеобразие русского культурного типа и вошло в золотой фонд мировой культуры. Заслуживает внимания и его тонкое замечание о том, что следствием рецепции западной культуры стало также формирование благоприятного интеллектуально-духовного пространства для изучения и реактуализации древних пластов почвенной национально-православной культуры, в том числе чрезвычайно ценного автохтонного опыта свободы.

Доказательством генетического единства русской и европейской культур, согласно Г. П. Федотову, являлась восприимчивость русского народа к свободе в европейском понимании. «Вместе с культурой, с наукой, с новым бытом с Запада приходит и свобода. И при этом в двух формах: в виде фактического раскрепощения быта и в виде политического освободительного движения» (Федотов 2004а: 140). Особо подчеркнем фундаментальность категории *свободы* для историко-теоретических построений ученого. Во избежание ошибочного толкования этой части его размышлений отметим также, что он воспринимал свободу как структурно сложный полисемантический феномен. В своих работах он рассматривал проблему свободы в широком историческом контексте, в различных ее модусах, не сводя ее лишь к политическому либерализму.

Акцентируя внимание на христианских и античных истоках современных представлений о свободе, подчеркивая определяющее ее значение для историко-культурного развития западного мира, Г. П. Федотов рассматривал открытость русского народа к свободе в европейском ее понимании в качестве одного из критериев принадлежности России европейскому кругу культур. Примечательно, что мыслитель, констатируя значение «феодально-христианского опыта» для институционализации свободы в западных странах, находил в Киевской Руси схожие с европейскими условия для «развития личной и политической свободы» (Федотов 2004а: 131). В обладании историческим опытом свободы он усматривал коренное отличие европейской культуры, составной частью которой является Россия, от восточных культур, не имевших подобного опыта (Федотов 2004а: 116).

Импортированная в Россию вместе с петровскими преобразованиями *бытовая свобода* (в терминологии Г. П. Федотова) (Федотов 2004а: 142), центрированная на идее естественных прав человека и человеческого достоинства, затронувшая первоначально высшие сословия, постепенно расширяясь, обусловила структурные трансформации всех сфер общества. Это коснулось и пространства власти, которое неуклонно гуманизировалось на протяжении всего имперского периода, несмотря на абсолютный характер российской монархии. При этом ученый с сожалением отмечал, что усвоение европейских представлений о *политической свободе* ввиду специфики российской политической системы и политической культуры оказалось гораздо более затруднительным. Обратной стороной низкой восприимчивости народом представлений о политической свободе и ее роли в жизни общества являлась гипертрофированность монархического комплекса в его историческом сознании.

Проблема европеизации России рассматривалась Г. П. Федотовым в широком контексте, в свете магистральной для русской мысли темы «Восток — Запад», артикулированной ранними славянофилами. Однако он вносил существенные коррективы в ее толкование. В этой связи он писал: «Проблема “Восток — Запад” изменила свое содержание со времен славянофилов. Речь идет уже не о самобытности и Европе, а о Востоке и Западе в русской истории» (Федотов 2012: 5). Конкретизируя свое понимание проблемы, мыслитель подчеркивал, что русский народ, подобно другим христианским народам, наделен «особой, греческо-византийско-славянской темой» и специфической культурной миссией, обусловленной пограничным геополитическим положением Руси — России между «христианским Западом» и «магометанским Востоком» (Федотов 2004а: 64–65). В новых исторических условиях, настаивал он, следовало акцентировать внимание на специфике России как «перекрестной» культуры, как «сверхнационального образования», способного соединять эти культурные миры между собой. В таком ракурсе Г. П. Федотов рассматривал просветительскую и культурную миссию Российской империи, единственно оправдывавшую, по его убеждению, ее историческое бытование в качестве *империи*. Как «сверхнациональное» по своей природе государство она была призвана приобщать через русскую культуру народы, входящие в ее состав, к достижениям мировой цивилизации: «...нести просвещение всем ее народам — универсальное просвещение, сияющее с Запада, хотя и в лучах русского слова» (Федотов 2004: 242).

Г. П. Федотов полагал, что идеи свободы, просвещения, государственного служения, славы и величия России в своем сложном взаимодействии составили основу имперского сознания. По его мнению, их глубокую взаимозависимость и созидательную силу в художественной форме выразил великий русский поэт А. С. Пушкин, сумевший отразить в своем творчестве гармоничное сочетание «духа империи и духа просвещения» как «нового соединения государства и культуры» (Федотов 2014: 68). В своем сложном диалектическом взаимодействии эти две силы должны были способствовать распространению просвещения и расцвету культур входивших в империю народов, тем самым обеспечивая преемственное развитие России. Союз двух этих сил, воспетый поэтом, оказался непрочным и недолговечным, что нашло свое выражение в трагическом для судеб страны противостоянии монархии и интеллигенции, этого «детища Петра I», начавшееся в 1825 г. (Федотов 2012: 23–63).

Вместе с тем Г. П. Федотов объективно отмечал, что в структуру имперского сознания, помимо идей национально-государственного служения, свободы, просвещения, величия России, входили негативные черты, квалифицированные им применительно к пространству власти как «языческий комплекс», выраженный в «пафосе неравенства, радости унижения, насилии над слабыми» (Федотов 2004а: 252). «Языческий комплекс» в структуре сознания правящих элит, а тем более его доминирование создавали благоприятные условия для кризисных явлений и «разрывов» в развитии.

В связи с культурно-просветительской миссией Российской империи Г. П. Федотов считал оправданной ее территориальную экспансию, несмотря на нередко насильственный характер присоединения новых территорий, как это было, например, на Кавказе или в Средней Азии, в чем Россия, по его замечанию, походила на другие мировые империи. Признавая преимущественно насильственный характер создания мировых империй, ученый тем не менее считал объективно положительными вызванные ими уже в древности процессы мировой интеграции и универсализации, благоприятные для расцвета множества культур, несмотря на многие сопутствующие негативные явления. Констатация нередко насильственного характера территориальной экспансии России не мешала Г. П. Федотову отмечать свойственную русскому народу как «стержневой» нации в империи религиозную и культурную толерантность (Федотов 2004а: 245) и способность к межкультурному синтезу, что в целом положительно сказывалось на характере русской колонизации.

При всей привлекательности культурно-просветительской миссии империи, полагал Г. П. Федотов, она оказалась малопонятной широким слоям народа, в сознании которого цент-

ральное место занимал монархический комплекс, но в котором так и не закрепилось представление о «государственном смысле империи» (Федотов 2011: 9). По его убеждению, основной причиной тому стала стремительная утрата преемниками Петра I свойственного ему представления о глубокой внутренней взаимообусловленности просвещения и свободы, с одной стороны, и государственного величия России — с другой. С сожалением ученый отмечал, что уже на рубеже XVIII–XIX вв. доминирующим в сознании высших сословий и правящих элит становилось представление об опасности просвещения народа для «крепости империи» (Федотов 2011: 11). Эта установка разительно отличала преемников великого реформатора от него самого. Оценка Г. П. Федотовым данного факта коррелировалась с мнением, высказанным некогда А. С. Пушкиным: «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения» (Федотов 2014: 138). Уклонение российской монархии от выполнения великой культурно-просветительской миссии, завещанной Петром I, резюмировал мыслитель, обусловило нарастание кризисных явлений в империи. Весомым фактором, ускорившим ее распад в XX в., стало также размывание в сознании властных элит представлений о сверхнациональной природе Российской империи, что проявилось, в частности, в непродуманной национальной политике последних российских императоров.

Таким образом, Г. П. Федотов предложил оригинальную версию понимания природы Российской империи, созданной Петром I. Своеобразие позиции ученого определялось его восприятием петровской модернизации как структурно сложного явления, многими нитями связанного с предшествовавшим историческим развитием России и общеевропейскими процессами, которое следовало рассматривать в режиме «долгого времени». Отмечая многие негативные последствия преобразований Петра I, ученый не сомневался в их неизбежности и необходимости в сложившемся на рубеже XVII–XVIII вв. культурно-историческом контексте как условия обеспечения стабильного развития страны. Одновременно он объективно подчеркивал высокий потенциал почвенной национально-религиозной культуры и ее значение в жизни общества. Историко-теоретические построения Г. П. Федотова, отличающиеся богатством идей, не лишены при этом противоречий, нередко дискуссионные по характеру, побуждают к дальнейшим размышлениям над сложными проблемами отечественной истории в тесной связи с общеевропейскими процессами с учетом сложной диалектики традиций и новаций в историческом развитии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Антощенко А. В.* «Византизм» в интерпретации Г. П. Федотова // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. С. 7–20.
- Биллингтон Д.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001.
- Вандалковская М. Г.* Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.). М.; СПб.: Институт Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 15–48.
- Волкогонова О. Д.* Г. П. Федотов о национальном характере в истории России // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4, № 4. С. 247–257.
- Гаман Л. А.* Историко-теоретические представления Г. П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 156–163.
- Гаман Л. А.* Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. С. 130–225.
- Гаман Л. А.* Идея культурного синтеза в условиях международной интеграции: взгляд Г. П. Федотова в американский период творчества (1942–1951 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 106–115.
- Гумерова Ж. А.* Культурно-исторические взгляды Г. П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 72–75.
- Живов В. М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 528–583.

- Жукова О. А. Русская культура в историософской рефлексии Г. П. Федотова // Культура культуры. 2014. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/russkaya-kulitura-v-istoriosofskoj-refleksii-g-p-fedotova/> (дата обращения: 21.05.2022).
- Ивонина О. И. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX — середины XX вв. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2000. С. 280–334.
- Ивонина О. И. Эвристические возможности и пределы культурной антропологии Г. П. Федотова // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. статей. Вып. 28 / отв. ред. Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2007. С. 314–327.
- Киселев А. Ф. Страна грез Г. П. Федотова. М.: Университетская книга; Логос, 2004.
- Клепикова Ю. В. Бремя империи и призвание России: к философии истории Г. П. Федотова // Философские науки. 2019. Т. 62, № 4. С. 44–57.
- Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М.: Языки русской культуры, 1996а. С. 10–264.
- Панченко А. М. Начало петровских реформ: идейная подоплека // Из истории русской культуры. Т. III (XVII — начало XVIII века). М.: Языки русской культуры, 1996б. С. 486–502.
- Сайнаков Н. А. Методологические вопросы изучения империй в современной историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки: сб. статей. Вып. 28 / отв. ред. Б. Г. Могильницкий, И. Ю. Николаева. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2007. С. 287–295.
- Степун Ф. А. Г. П. Федотов // Степун Ф. А. Портреты / сост. и послесловие А. А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1999. С. 299–319.
- Степун Ф. А. Католичество и православие // Степун Ф. А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В. К. Кантор. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 513–523.
- Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 2: Статьи 20–30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД» / примеч. С. С. Бычкова. М.: Мартис; SAM & SAM, 1998.
- Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12 т.: Т. 10: Русская религиозность. Ч. I. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. / примеч. С. С. Бычкова. М.: Мартис, 2001.
- Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 9: Статьи американского периода / Примеч. С. С. Бычкова. М.: Мартис, 2004а.
- Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 11: Русская религиозность. Ч. II. Средние века. XVIII–XV вв. / примеч. С. С. Бычкова. М.: Мартис, 2004б.
- Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 5: И есть, и будет / примеч. С. С. Бычкова. М.: SAM & SAM, 2011.
- Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 4: Статьи 30-х гг. из журналов ВРСХД, «Современные записки» и «Числа», «Версты», «Новый град» / примеч. С. С. Бычкова. М.: SAM & SAM, 2012.
- Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 7: Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владимирского сборника» / примеч. С. С. Бычкова. М.: Мартис; SAM & SAM, 2014.
- Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008.

REFERENCES

- Antoshchenko A. V. «Vizantinizm» v interpretatsii G. P. Fedotova Antoshchenko A. V. [Byzantism in G. P. Fedotov's Interpretation]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2017, vol. 44, pp. 7–20. (In Russian)
- Billington J. *Ikona i topor. Opyt istolkovaniia istorii russkoo kul'tury* [The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture]. Moscow: «Rudomino», 2001. (In Russian)
- Gaman L. A. Istoriko-teoreticheskie predstavleniia G. P. Fedotova [G. P. Fedotov's Historical and Theoretical Ideas]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 294, pp. 156–163. (In Russian)
- Gaman L. A. *Revoliutsiia 1917 goda i sovetskaia istoriia v osveshchenii russkoi religioznoi emigrantskoi mysli* [The 1917 Revolution and Soviet History in the Coverage of Russian Religious Emigrant Thought]. Tomsk: Tomskii Gosudarstvennyi Universitet, 2008, pp. 130–225. (In Russian)
- Gaman L. A. Ideia kul'turnogo sinteza v usloviakh mezhdunarodnoi integratsii: vzgliad G. P. Fedotova v amerikanskii period tvorchestva (1942–1951 gody) [The Cultural Synthesis Idea in the Context of International Integration: G. P. Fedotov's View in the American Creation Period (1942–1951)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia*, 2019, no. 61, pp. 106–115. (In Russian)
- Gumerova Zh. A. Kul'turno-istoricheskie vzgliady G. P. Fedotova [G. P. Fedotov's Cultural and Historic Views]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 368, pp. 72–75. (In Russian)

Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow: AST, 2008. (In Russian)

Ivonina O. I. *Vremia svobody. Problema napravlenosti istorii v khristianskoi istoricheskoi mysli Rossii XIX — serediny XX veka* [The Time of Freedom. The Problem of the Focus of History in the Christian Historical Ideas of Russia in the 19th — mid-20th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirskii Gosudarstvennyi Pedagogicheskii Universitet, 2000, pp. 280–334. (In Russian)

Ivonina O. I. *Evristsicheskie vozmozhnosti i predely kul'turnoi antropologii G. P. Fedotova* [Heuristic Possibilities and Limits of G. P. Fedotov's Cultural Anthropology]. *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki: sbornik statei* [Methodological and Historiographic Issues of Historic Science: Collection of Articles]. Ed. by B. G. Mogil'nitskii, I. Yu. Nikolaeva. Tomsk: Tomskii Universitet, 2007, issue 28, pp. 314–327. (In Russian)

Kiselev A. F. *Strana grez G. P. Fedotova* [G. P. Fedotov's Dreamland]. Moscow: Universitetskaia kniga, Logos, 2004. (In Russian)

Klepikova Yu. V. *Bremia imperii i prizvanie Rossii: k filosofii istorii G. P. Fedotova* [The Burden of the Empire and the Mission of Russia: Regarding G. P. Fedotov's History of Philosophy]. *Filosofskie nauki*, 2019, no. 4 (62), pp. 44–57. (In Russian)

Panchenko A. M. *Russkaia kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Verge of Peter's Reforms]. *Iz istorii russkoi kul'tury. Tom 3 (XVII — nachalo XVIII veka)* [From the History of Russian Culture. Vol. III (17th — Beginning of the 18th Century)]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996, pp. 10–264. (In Russian)

Panchenko A. M. *Nachalo petrovskikh reform: ideinaia podopleka* [Beginning of Peter's Reforms: Ideological Background]. *Iz istorii russkoi kul'tury. Tom 3 (XVII — nachalo XVIII veka)* [From the History of Russian Culture. Vol. III (17th — Beginning of the 18th Century)]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996, pp. 486–502. (In Russian)

Sainakov N. A. *Metodologicheskie voprosy izuchenii imperii v sovremennoi istoriografii* [Methodological Issues of Studying Empires in Modern Historiography]. *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki: sbornik statei* [Methodological and Historiographic Issues of Historic Science: Collection of Articles]. Iss. 28. Ed. by B. G. Mogil'nitskii, I. Yu. Nikolaeva. Tomsk: Tomskii Universitet, 2007, pp. 287–295. (In Russian)

Stepun F. A. *G. P. Fedotov. Stepun F. A. Portrety* [Stepun F. A. Portraits]. St. Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut, 1999, pp. 299–319. (In Russian)

Stepun F. A. *Katolichestvo i pravoslavie* [Catholicism and Orthodoxy]. *Stepun F. A. Bol'shevizm i khristianskaia ekzistentsiia: izbrannye trudy* [Stepun F. A. Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, pp. 513–523. (In Russian)

Vandalkovskaia M. *Prognozy postbol'shevistskogo ustroistva Rossii v emigrantskoi istoriografii (20–30-e gody XX veka)* [Forecasts of the Post-Bolshevik System of Russia in the Emigrant Historiography (1920–30s)]. Moscow: Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2015, pp. 15–48. (In Russian)

Volkogonova O. D. *G. P. Fedotov o natsional'nom kharaktere v istorii Rossii* [G. P. Fedotov about National Character in the History of Russia]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2015, no. 4 (4), pp. 247–257. (In Russian)

Zhivov V. M. *Kul'turnye reformy v sisteme preobrazovaniia Petra I* [Cultural Reforms in Peter I's Transformation System]. *Iz istorii russkoi kul'tury. Tom 3 (XVII — nachalo XVIII veka)* [From the History of Russian Culture. Volume III (17th — Beginning of the 18th Century)]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996, pp. 528–583. (In Russian)

Zhukova O. A. *Russkaia kul'tura v istoriosofskoi refleksii G. P. Fedotova* [Russian Culture in G. P. Fedotov's Historical and Philosophic Reflection]. *Kul'tura kul'tury*, 2014, no. 1. Available at: <http://cult-cult.ru/russkaya-kul'tura-v-istoriosofskoj-refleksii-g-p-fedotova/> (accessed 21.05.2022) (In Russian)

Submitted: 17.11.2021

Accepted: 28.04.2022

Published: 10.07.2022